

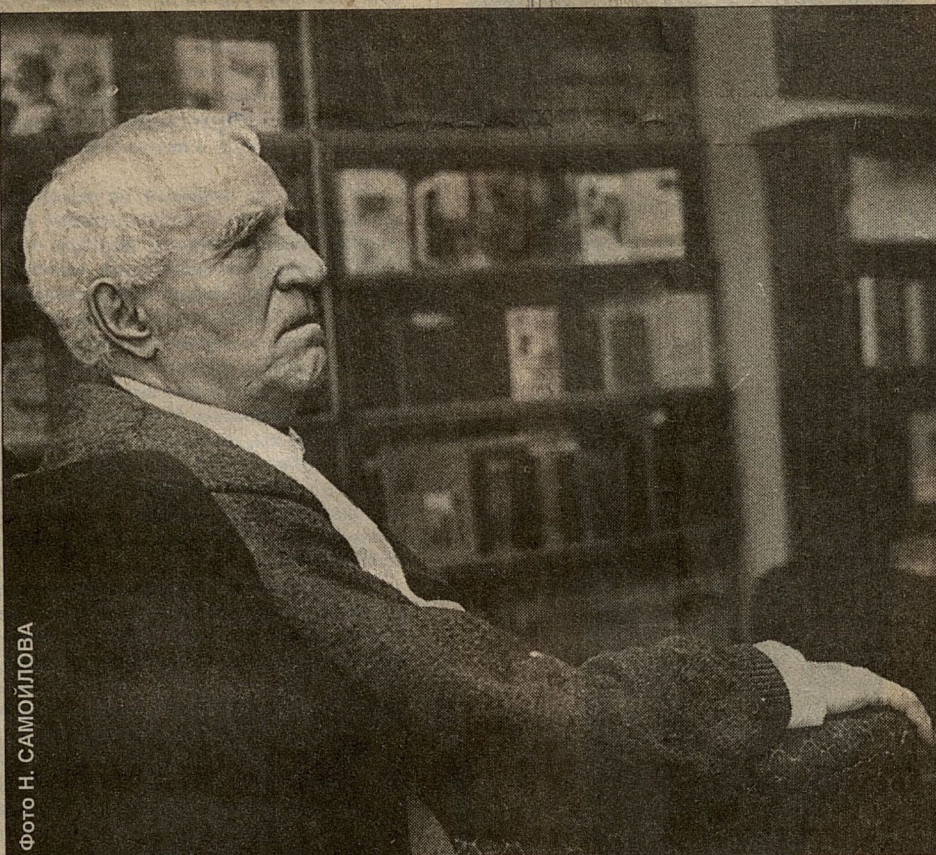

Фото Н. САМОЙЛОВА

Георгий Васильевич СВИРИДОВ

Российская и мировая художественная культура понесла тяжелую и невозвратимую утрату — скончался великий композитор современности Георгий Васильевич Свиридов.

Вся жизнь Г.В.Свиридова была служением высоким идеалам искусства, своему народу и Отечеству. Его творчество неизмеримо много значит для российской культуры, оно стало духовным стержнем отечественной музыкальной мысли второй половины двадцатого столетия, современным воплощением бессмертных художественных принципов мировой культуры. Свиридовское направление в искусстве — это прежде всего высокая духовность, реализм, подлинная народность, и в этом его непреходящее значение.

Наследуя классические традиции русской музыкальной культуры, развивая и приумножая их, Г.В.Свиридов воссоздал в своих сочинениях и строгую красоту старинного православного хорового пения, и образное богатство русского симфонизма, и народную песенность вокальной музыки. Голос певца и поэтическое слово всегда были нераздельны в художественном мышлении Г.В.Свиридова, определив основной круг творческих устремлений композитора. Им созданы такие признанные музыкальные шедевры, как поэма "Памяти Сергея Есенина", "Патетическая оратория", "Курские песни", духовные сочинения, хоровые концерты, циклы романсов и песен на стихи русских и зарубежных поэтов. И поистине народной стала его гениальная музыка к пушкинской "Метели".

Музыке Г.В.Свиридова рукоплещет весь мир. Его сочинения, ставшие классикой XX века, в исполнении ведущих мастеров и художественных коллективов звучат повсюду, утверждая высочайший авторитет русской музыкальной культуры.

Великий художник и гражданин своей страны Г.В.Свиридов был удостоен высших государственных наград и почетных званий. Герой Социалистического Труда, народный артист СССР, лауреат многих государственных премий — так был отмечен труд выдающегося Мастера. Среди его последних наград — орден "За заслуги перед Отечеством" и премия Президента Российской Федерации в области литературы и искусства 1997 года.

Бессмертие Георгия Васильевича Свиридова — это жизнь его музыки, такой же прекрасной и вечной, как и воспетая им Россия. Она навсегда вошла в сердца и души людей, стала общенациональным достоянием, драгоценным вкладом в сокровищницу российской и мировой художественной культуры.

В.С.Черномырдин, Е.С.Строев, Г.Н.Селезнев, В.Б.Юмашев, Ю.М.Лужков, Б.Е.Немцов, А.Б.Чубайс, О.Н.Сысуев, Н.Л.Дементьева, И.К.Архипова, В.П.Астафьев, В.И.Белов, А.Ф.Ведерников, В.А.Гаврилин, О.Б.Галахов, С.Д.Гусев, А.А.Золотов, В.И.Казенин, Р.С.Леденев, А.Д.Масленников, В.Н.Минин, Е.Е.Нестеренко, Е.В.Образцова, А.П.Петров, В.Г.Распутин, Е.Ф.Светланов, В.И.Федосеев, Д.А.Хворостовский, Т.Н.Хренников, В.А.Чернушенко, Р.К.Щедрин, А.Я.Эшпай.

ДМИТРИЙ ХВОРОСТОВСКИЙ:

Но в музыке мы встретимся

Кощунственно в эти трагические дни произносить слово "счастье". Однако никакое другое не способно выразить чувство, рожденное сознанием, что судьба даровала мне возможность приобщиться к гениальному творчеству классика XX века и лично связала с ним, человеком-гигантом, за внешней скромностью и сдержанностью которого — прорывающая мощь таланта и духовности.

Последние 4-5 лет мы были тесно связаны с Георгием Васильевичем Свиридовым. Разрешил себе назвать наши отношения дружбой, хотя разница в возрасте у нас была огромна, а встречи до обидного редки. Однако мы постоянно перзванивались — я нуждался в его советах, добрых напутствиях. Ему я рассказывал, как проходят концерты, в которых я исполнял его музыку, как воспринимает ее публика в той или иной стране. Правда, чаще всего он перебивал, и я слышал заботливые, отеческие слова: "Димочка! Осторожнее, берегите себя. У вас еще все впереди. Вы так нужны, так много можете сделать". И при этом в тоне ни тени превосходства. И, характерно, в этих беседах я почти никогда не слышал местоимения "Я", думаю, от деликатности собеседника, желания поставить себя на один уровень со всеми.

В произведениях Георгия Свиридова мне открылась новая музыкальная речь, язык простой и ясный по рисунку, но по конструкции необы-

чайно сложный. Удивительной магнетической силой обладают творения Свиридова: сколько ни слушаешь, ни исполняешь его музыку, всегда тянет еще и еще раз вернуться к ней. И всегда даже в абсолютно знакомой, известной до мельчайших подробностей, обнаруживается новое, потому что композитор создал совсем особый "мир звуков", свою лексику и поэтику, насытив порой простейшие формы живым содержанием. Свиридовская музыка говорит правду о жизни, подчас горькую, трудную, но всегда направленную на благо будущего.

Некоторым коллегам-исполнителям, обратившимся "капитально" к творчеству Георгия Васильевича, повезло: он лично тщательнейшим образом отработывал с ними свои циклы, и, конечно, в этом общении они обрели очень многое. Я познавал его великую музыку совершенно самостоятельно. Георгий Васильевич наблюдал за мной со стороны и лишь изредка вносил в очень осторожной, деликатной форме кое-какие коррективы, причем общался с моим постоянным концертмейстером Михаилом Аркадьевым, который живет в Москве.

Мне очень жаль, что у меня было сравнительно мало встреч со Свиридовым. Сегодня я это особенно остро переживаю. Ведь каждое свидание с маэстро было школой познания мира, а еще — школой человеческой скромности, любви и уважения к людям (пожалуй, самой дорогой

встречей останется в моей памяти посещение Свиридовым моего лондонского дома). Всегда потрясали его эрудиция, интеллект, тонкий юмор, необыкновенный дар рассказчика, знающего и помнящего, кажется, все на свете.

С 1994 года, с тех пор как я впервые исполнил великолепнейший цикл "Отчалившая Русь" на слова Сергея Есенина, я не расстаюсь с музыкой Свиридова. Тот цикл и второй — "Петербург" (на стихи Александра Блока), премьеру которого — я счастлив, я горд, Георгий Васильевич доверил мне, — я исполнял уже много раз в разных странах. Впервые "Отчалившую Русь" услышали жители Лос-Анджелеса. Конечно, я волновался, как примут. Тем более что присутствовала вальсаяная, отдыхающая публика. Все прошло блестяще. За Лос-Анджелесом — другие города и страны: Париж, Лондон, Нью-Йорк; в Австралии пел оба цикла. И всюду — успех. Признаюсь, никогда не думал, что такая реакция будет за рубежом на эти трагические, драматические произведения. Это мы, русские, привыкли страдать, мучаться, а за рубежом люди спокойнее, ленивее. Однако я видел, как их трогают и волнуют судьбы, о которых повествуют Есенин — Свиридов и Блок — Свиридов.

В феврале в Карнеги-холл буду петь "Петербург". Много думал, много мечтал об этом, даже представлял себе, как встретимся мы после того, как состоится премьера, будем беседовать, я с робостью отчитаюсь (перед Георгием Васильевичем я всегда робел). Георгий Васильевич снимет темные очки и будет смотреть внимательно своими лучистыми, наивными детскими глазами. От одного этого взгляда становилось легче жить. Неужели никогда больше?.. Но в музыке мы встретимся снова.

АЛЕКСАНДР ВЕДЕРНИКОВ:

Он олицетворял собой совесть

Трудно смириться с тем, что все люди смертны. Мы часто забываем об этом. И лишь когда наступает эта тяжелая пора прощания, мы с горем осознаем основной закон человеческой жизни: да, все люди смертны! Для меня лично уход из жизни Георгия Свиридова — удар тяжелейший.

— Александр Филиппович, а у вас лично с Георгием Васильевичем сложились дружеские отношения?

— Я был связан с ним и в творческом плане, и в деловом, и в чисто человеческом. Он действительно был моим истинным другом. Если говорить с чисто природного, Свиридов несравненно обогатил певческий репертуар, выразив наше время, как никто другой из композиторов, сочно и ярко.

— А что новаторского вы видите в его сочинениях? Что привлекает вас?

— Прежде всего феноменально щедрая душа художника. Сочиняя, он не "работал" над рукописями, не придумывал, а жил в музыке. Он внес в свое письмо новые интонации, не искажая исконно русские традиции. Мне кажется, если бы даже я сам не исполнял его песни и романсы, лишь слушал их, ко мне бы пришло то новое ощущение, понимание классики, которое пришло после общения со свиридовской музыкой. Ее потрясающая особенность — предельная простота, строгость, лаконичность. Не случайно же, ознакомившись с циклом "Курские песни", Дмитрий Дмитриевич Шостакович восторженно сказал: "Нот мало, а музыки очень много". Благородная

простота — вот главное достоинство его искусства.

— Благородная простота, помоему, была и главной чертой его характера.

— Безусловно, только не главной, а одной из главных. Основная же — совестливость, сейчас огромный дефицит на это свойство человеческой природы. В последнее время я часто ловлю себя на том, что подспудно, в мыслях, вне зависимости от собственного сознания, сверю свои поступки, действия со Свиридовым. Что бы он подумал в том или ином случае? Как бы поступил? Он действительно являл собой понятие "совесть". Будучи гением, понимал, чувствовал эту особенность своего отношения к окружающему миру, проявляя снисходительность к людям. Зато не прощал злостной подлости и лжи.

— Легок ли он был в общении?

— Очень труден. Не умел приторваться, льстить или прикидываться хорошим. Всегда отличался какой-то особенной щепетильностью. И самую большую трудность в общении представляло то, что Георгий Василь-

евич несравненно высоко поднял планку ответственности. И в общении с ним людям необходимо было дотянуться до этой планки.

— Его уже при жизни называли классиком...

— Еще бы! Музыка его не просто популярна — в сознании людей она стала хрестоматийной, даже вошла в повседневный быт. Вообще его участие в культурной жизни было сильнейшим и всесторонним благодаря феноменальной памяти, несравненной дисциплине ума. И поражала всегда не только масса знаний, которые словно по "полочкам" были разложены им, систематизированы, но и глубина их. И в литературе, в поэзии, в изобразительном искусстве, архитектуре он часто забивал специалистов. А о музыке и говорить не приходится: беспрельдные знания, умение сыграть на рояле в ходе беседы оперные, хоровые, инструментальные произведения разных эпох... Таким его знали мы, его близкие друзья, перед которыми он сполна делился своими знаниями и которым открывал свою душу, богатую и щедрую.

Беседу вел
Мариам ИГНАТЬЕВА

Ушел в метель

В Большом зале Московской консерватории состоялся концерт памяти Георгия Свиридова — первый в программе музыкального фестиваля "Россия Православная". Прозвучали всенародно-популярная "Метель", "Весенняя кантата", фрагменты музыки к спектаклю Малого театра "Царь Федор Иоаннович". Первыми участниками фестиваля стали БСО имени П.И.Чайковского и Хоровая капелла имени А.А.Орлова. Вечно живая музыка великого композитора царствовала в зале, а сам он уходил от слушателей, от всех нас — на огромном портрете, помещенном на сцене, — вдали по лесной дорожке...

Соб. инф.

ЮРИЙ СОЛОМИН:

Ему я верил всегда

Наверное, это самый точный и самый неопровержимый знак истинной дружбы — непоколебимая преданность, вера одного другому. Такая вера, которую не в силах нарушить никакие жизненные перемены, никакие обстоятельства. Ему, великому сыну народа России, великому художнику Георгию Свиридову, я верил всегда. И в жизни, и в творчестве, и в дружбе.

Наши отношения родились в недрах театра и на почве театра — знаменитого Малого театра России, в связи с постановкой "Царя Федора Иоанновича" Алексея Толстого. Музыку к спектаклю специально написал Георгий Васильевич Свиридов (впоследствии ко всем трем частям знаменитой исторической трилогии).

Мне, драматическому актеру, этот потрясающе выразительный, важнейший компонент постановки дал очень многое. Думаю, без этой музыки я не мог бы понять и раскрыть трагический образ царя Федора. Не мог бы работать интенсивно и "честно", не придумывая, а "проживая" тяжкую судьбу царя.

Создав такой силы музыку ко всей трилогии, Георгий Васильевич завоевал полное право называться, наравне с Алексеем Толстым, ее автором. Для нас она уже не может существовать без музыки Георгия Васильевича — не видится, не слышится. Словесный и музыкальный тексты стали неделимы друг от друга. И, конечно, только гениальному ав-

тору под силу такое точное попадание в цель. Такая органика в сплаве средств литературной и музыкальной выразительности. Музыка Георгия Свиридова предназначена для многих десятилетий сценической жизни — сменяются артисты, а музыка будет звучать и звучать.

Так театр, спектакль сдружил нас с Георгием Васильевичем. Связал самыми крепкими дружескими узами. Да с этим уникальным человеком невозможно было не сблизиться, если только он "подпускал" к себе. Поразительный, самой высокой меры гениальности человек, и внешне самый сдержанный, далеко запрятавший себя от людей, прочно привязывал к себе тех, кому симпатизировал, в ком находил родственную душу. Привязывал добротой отношений, вниманием.

Наша суматошная, забитая делами жизнь, подчас замусоренная ненужной суетой, оставляет мало времени для общения. Но даже с телефонными переживаниями, с поздравлениями по поводу премьеры, удачного спектакля, семейного праздника приходило тепло от близкого доброго человека, в правду слов которого я твердо верил. И понимал, что не безразличен ему, нужен. И гордился этой бесценной дружбой, находил в ней массу точек соприкосновения. Творческих стимулов.

Друга не стало, а стимулы — до конца моих дней.